

Майк Олдфилд в кресле-качалке. Записки отца

Автор:

[Вернер Линдемманн](#)

Майк Олдфилд в кресле-качалке. Записки отца

Вернер Линдемманн

Подарочные издания. Музыка

Вернер Линдемманн – известный детский автор. Эта книга – его мемуары о времени, которое он провел со своим сыном Тиллем Линдемманном, будущим вокалистом самой известной в мире немецкой рок-группы Rammstein, в конце 1980-х годов. Описанные здесь события произошли несколькими годами ранее, когда Тиллю (в книге его зовут Тимм) было 19 лет. Эта книга – уникальная возможность взглянуть на жизнь Тилля в подростковом возрасте глазами его отца, жестокого алкоголика, который разводился с матерью в течение семи лет к тому времени, когда его сын остался жить с ним на некоторое время. Динамика отношений между отцом и его сыном дает четкое понимание, как сформировалась личность Тилля, что повлияло на тексты песен, которые он написал для Rammstein, и на его жизнь в целом.

Главная изюминка – это большое послесловие самого Тилля, где он рассказывает свой взгляд на отца и свое детство, отделает правду от лжи.

Вернер Линдемманн умер в 1993 году, за год до образования Rammstein, поэтому он так и не узнал, что «проблемный подросток», которого он описывает в своей книге, станет одной из самых выдающихся рок-звезд нашего времени. По слухам, Тилль Линдемманн никогда не посещал могилу своего отца. Чтение этой книги поможет вам понять, почему.

Первоначально опубликованная в 1988 году, «Майк Олдфилд в кресле-качалке. Записки отца Тилля Линдемманна» впервые выходит в России.

Вернер Линдемманн

Майк Олдфилд в кресле-качалке. Записки отца

Werner Lindemann

MIKE OLDFIELD IM SCHAUKELSTUHL

Notizen eines Vaters

© Brigitta Lindemann Illustration and photos on the cover: Matthias Matthies

© Перевод. О. Нацаренус, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

О книге

В начале восьмидесятых годов девятнадцатилетний Тилль Линдемманн жил в загородном доме своего отца, в Мекленбурге, где в сельскохозяйственном производственном кооперативе учился плотническому мастерству.

Вернер Линдемманн, известный в ГДР детский писатель, не без конфликтов проживая вместе со своим сыном, наблюдает – иногда с непониманием и гневом, но, бывает, что с уважением и любопытством: ранние любовные истории сына, его легкомысленные выходки на нетрезвую голову, протест против обывательских отношений в ГДР, его характер, желание уехать. Попутно с этим отец мысленно возвращается в свою молодость, время которой выпало на последние годы войны, и анализирует политические конфликты своего времени.

Тилль Линдемманн, на сегодняшний день солист группы Rammstein и поэт, в своих комментариях к книге бросает взгляд в прошлое, и сопоставляет

повествование отца со своими собственными воспоминаниями.

Об авторе

Вернер Линдеманн, родился в 1926 году, скончался в 1993 году, был успешным автором детских книг в ГДР. Изучал литературу в институте имени Иоганнеса Р. Бехера в Лейпциге, участник первой, так называемой, Биттерфельдской конференции[1 - Биттерфельдская конференция была посвящена программе развития социалистической культуры в ГДР, направленной на создание самостоятельной социалистической национальной культуры, которая должна была наиболее полным образом удовлетворять растущие художественно-эстетические потребности трудящихся. Здесь и далее прим. переводчика.]. Состоял в браке с Гиттой Линдеманн (директор по культуре NDR[2 - NDR (нем. Norddeutscher Rundfunk) - «Северогерманское телерадиовещание».] Radio MV[3 - Radio MV - региональная радиостанция Мекленбурга-Передней Померании.] с 1992 по 2002 год). Помимо сына, Тилля Линдемманна, у них общая дочь.

В юности Тилль Линдеманн был мастером спорта по плаванию, по окончании школы-интерната обучался плотническому делу, работал корзинщиком. С 1994 вокалист и автор текстов группы Rammstein. Живет в Берлине. Изданные поэтические сборники: «Messer» (Нож) (2005), «В тихой ночи. Лирика» (2013), «Стихотворения» (2015), а также «Сто. Лирика» (2020).

Хельге Малхов, родился в 1950, с 2001 по 2019 - издатель в Kiepenheuer & Witsch. С 2019 - редактор-консультант.

Предисловие Тилля Линдемманна

Жизнь не связывает отца и сына веревкой,

Им приходится плыть по реке времени

И зачастую тонуть,

Так, как это случилось с двумя королевскими детьми[4 - Речь идет о немецкой народной балладе, о принце и принцессе, в которой идеологическим ключевым моментом является конфликт поколений. - Здесь и далее прим. пер.].

Тилль Линдемманн

«Майк Олдфилд в кресле-качалке» вышел в свет в 1988-м, а написан был в начале восьмидесятых, когда Тилль (в книге его зовут Тимм) обитал со своим отцом в мекленбургском деревенском доме. Вернер Линдемманн скончался в 1993-м. Ему не суждено было дожить до грандиозного успеха своего сына в качестве вокалиста группы Rammstein.

Молодые саженцы изо всех сил пытаются подняться в тени старых деревьев.

Сентябрь

Первый золотой сентябрьский день. Вот уже семь лет, как я живу в этом доме. Я все еще слышу, как председатель кооператива говорит: «Можете располагаться, переезжайте, ведь если в нем никто не живет, его через несколько недель снесут». Семь лет. Ни разу этот пейзаж не показался мне однообразным. Даже сегодня, глядя на затянутое тучами небо, мне хочется воскликнуть: Господи, как прекрасно! Я сижу под корявой боскопской яблоней, сочиняю стихи, мне сложно сосредоточиться. Тишина настолько глубока, что я слышу, как яблоки пьют солнце.

На мансарде шум и грохот. Там поселился мой сын, Тимм. Ранним утром грядущего понедельника он на велосипеде проедет по грунтовой дороге четыре километра. В соседней деревне есть мастерская по ремонту телег. Там парень будет работать.

Хорошо ли будет нам под одной крышей?

Я знаю, как жить в уединении, как работать в одиночестве. Я забываю о целом мире, когда сажусь за письменный стол. В то же время, переполненный отчаянием, заламывая руки, я ожидал человеческого голоса, в томлении изнемогал от тоски перед тем, как на выходные из городской квартиры приезжали жена и дочь.

Тимм – дитя города, и ему всего девятнадцать.

Тибулл говорил: «В одиночестве будь сам себе толпой»[5 - Albius Tibullus – древнеримский поэт, живший в I веке до Р.Х.].

Простая вещь, которую сложно осуществить. Человек – существо коллективное.

«Завтра ты должен зарегистрироваться в полиции».

«Время еще есть».

«Времени нет! Этот вопрос должен быть улажен».

«Все у вас должно быть улажено».

Следующая схватка – у телевизора. Он хочет смотреть детектив, я – документальный фильм о начале войны против Советского Союза. Костяшки пальцев выстукивают мою правоту. Сын становится раздражительным.

Диалог после фильма: «Свинство, что натворили немцы. И ты не возникал против этого?»

«Мне было пятнадцать».

«Против войны можно что-то делать и в пятнадцать».

Я молча исчезаю в своей комнате и думаю: школа не передала ему реальной картины истории, о Движении Сопротивления он знает совсем немного. Внезапно я осознаю: пропасть между Тиммом и мной слишком широка и глубока.

Что знает он обо мне? Что я о нем знаю? В последние годы он редко садился за мой стол, когда на небе появлялась полная Луна. В детско-юношеской спортивной школе он был востребован чуть ли не каждые выходные: тренировки по плаванию, разъезды, соревнования. Я мог бы по пальцам сосчитать дни, проведенные вместе в городской квартире. Я отдавался предпочтению сидеть здесь, в нашем старом деревенском доме, среди ракушечных холмов.

Мне следует больше говорить с мальчиком. Но как?

Уступать. Или мне кажется так, потому что я, хмурый после бессонной ночи, еле отполз от авторучки? Тимм даже не здоровается, насвистывая, покидает дом. Я уныло шаркаю за ним, чтобы заставить себя проснуться уже в овраге. На спуске я несколько раз бранно рычу проклятия, потому что парень по-прежнему не оборачивается.

На золотом пшеничном колосе, в меже, хлопает крыльями капустница. Может, она опьянела от запаха хлебного зерна?

Мансарда. Под окном Тимма самодельная лежанка-топчан. Около голландская печь с дымоходом, скамья. На одной стене – полка с вазами, подсвечниками, фотографиями, камнями.

На другой стене плакаты, боксерские перчатки, старые печные изразцы, эспандер, пустые старые рамы. Теплое гнездышко, свитое со вкусом. Но почему столько хлама на стенах? Вечером на мой вопрос его ответ: «Я должен повесить что-то вроде красочной фотографии председателя Государственного совета?»

Тимм, фыркая, входит в дом, швыряет рюкзак и телогрейку, стряхивает с ног резиновые сапоги, слизывая с губ дождевые капли. Три дня ремесленником –

волнующее событие?

Мой сын отвечает: «Ну да».

Я протягиваю ему полотенце. Он отвергает. «Я же не маленький ребенок».

ВОСПОМИНАНИЯ

Морозный январский день сорок первого. Газета предлагает место преподавателя сельского труда.

Мама: «Вот бы тебе».

Отец: «Едем туда».

Выкупавшись, я, чистый, облачаюсь в лучший, единственный костюм. Отец достает из гардероба воскресные брюки, клетчатый пиджак и куртку. Мы мчим в совершенно промерзшем утреннем поезде на сорок километров севернее. Наша цель: небольшая железнодорожная станция посреди плоской как стол равнины, без деревьев и кустарников.

Дорога к деревне – совершенно прямая шестикилометровая линия с высокими сугробами. Ледяная пурга хлещет по нашим лицам, заползает в каждую пору пальто, проскальзывает в каждую прорезь для пуговиц. Пройдя две трети пути, я лишаюсь сил, я больше ничего не хочу. Мои щеки горят. Руки застыли. Уши побелели от холода. Отец трет мое лицо, отдает мне свои перчатки и утешает мыслью о теплой кухне фермера. Представление о том, что мы сможем выпить по чашке теплого молока, прибавляет мне мужества.

Посиневшие от холода, измученные, мы наконец-то добираемся до хутора. Отец стучит в дверь. Приоткрывается щель. Отец подносит туда газетное объявление и говорит: «Мы приехали...»

«Место учителя уже занято», – прерывает его энергичный голос. После этого дверь снова закрывается. И тогда я впервые вижу, как глаза моего отца становятся влажными. И это – мой отец, мой лучший друг на Земле, и тут я тоже уже не могу сдержать слезы.

ВОСПОМИНАНИЯ

Осень сорок первого. Ежедневно, даже в воскресенье, я обучаюсь сельскохозяйственному делу у одного крупного фермера. Ночь для меня заканчивается еще до рассвета, сразу после трех.

Мне приходится запрягать лошадь и ехать на старой почтовой карете три километра до станции, чтобы доставить посылки и мешки с письмами на четырехчасовой поезд, забрать посылки и мешки с письмами и вернуться обратно. Фермер называет эту работу «телега вознаграждений», он обязан выполнять ее для почтового отделения местечка земледельцев. Свой первый завтрак я получаю после поездки, около семи часов: тарелка мучного супа и ломтик черствого хлеба. Продовольственных карт больше не существует. Фермер вместе со своей семьей ест окорок и колбасу из забитой домашней свиньи. Они завтракают, пока две деревенские девушки-подмастерья и два польских военнопленных работают. Морозное зимнее утро. Я на козлах, кутаюсь в теплую попону из мешковины и уступаю своей усталости. Лошадь знает дорогу на станцию. Просыпаюсь от болезненного жжения на лице. Срываю с головы покрывало. Рядом с дилижансом фермер на велосипеде. В его руке хлыст. «Проклятый сукин сын! Я научу тебя, как не спать на работе!»

* * *

Я приготовил ужин: тарелка с бутербродами, рядом с ней ваза с астрами, горящая свеча. Тимм: «Ты празднуешь новую книгу?»

«Нет, я хочу поужинать с тобой». Он жует упругий помидор, садится и причавкивает: «У нас потрясно уютно».

После трапезы мы выходим – ах, когда поздний вечер видел нас такими бесшабашными! Идем бродить среди буков в Айкенкампе[б - Айкенкамп – заказник в регионе Мекленбург.] и искать грибы. Нас сопровождает вечернее солнце, над нами, как всегда, нависает неповторимое облачное мекленбургское небо. Шелестит первая опавшая листва. В кронах деревьев шумит засыпающий ветер. Наша беседа о грибах, деревьях и поросли легкомысленна. Но вызывают возмущение гниющие бревна деревьев, которые сознательно или непреднамеренно были забыты лесорубами, и лесником, который попустительствует этому разгильдяйству.

Наши корзины уже полны белыми грибами, красноногими боровиками и моховиками. Я счастлив и доволен. Мой сын, кажется, тоже... Небольшой хвойный заказник. Между ветвей свисают сети пауков, полные росы. Они сверкают, подобно падающим хлопьям снега. Предвестники зимы.

ВОСПОМИНАНИЯ

В заходящем солнце золотятся кроны сосен. Потрескивает кора. От почвы тяжелый запах хвои. Мы бредем от одной дерновой скамьи до другой, присматриваясь к желтым волнистым коронам лисичек. Прямо перед нами колоннами маршируют мухоморы. Мой мальчик рвет их за ножки и шлепает красочными шляпками о стволы деревьев.

«Зачем? – спрашиваю я. – Они такие красивые».

«Они ядовитые. То, что ядовито, я превращаю в месиво».

* * *

Под крышей суматоха. Как только Тимм оказывается в доме, я слышу, как он кашляет, грохочет, стучит, шаркает ногами. Я прислушиваюсь, когда скрипят ступени лестницы, хлопают двери. Когда он на работе, мои мысли заняты им. Вот остался бы он в городской квартире, работал бы плотником при комбинате по жилищному строительству... Нет, хорошо, что он живет со мной. Он вносит в

тишину дома свежий ветер. Мой распорядок дня стал более точным, чем раньше: подъем в половине шестого, кофе до шести, далее за письменный стол и работать приблизительно до двенадцати. После обеда: работа по дому, работа в саду, стряпня на ближайшие дни, например айнтопф с фасолью, горохом, морковью, зеленью[7 - Айнтопф, нем. Eintopf – густой суп, блюдо немецкой кухни, заменяющий собой первое и второе блюда.]. Кроме того, если необходимо, нужно ответить на почту, сделать покупки, многое прочесть.

Под дикой грушей желтый ковер из плодов, будто опрокинулась целая повозка. Словно тяжелые капли меда, на ветвях все еще висит древесная груша. Как расточительно, год за годом, это дерево беспокоится о потомстве. Рядом должны вытянуться тысячи молодых деревьев. И дичок встает. Из всех сил старается подняться в тени старика.

Мой остров спокойствия сотрясается каждый день. Позавчера парень натянул мои носки, потому что его порвались. Вчера он не погасил в доме ни одну лампу. Сейчас со сладострастным наслаждением он плюет вишневые косточки в шерсть кошке. Этот взрослый мальчик на самом деле взрослый?

Мой остров – в конце концов, я вынужден отвыкнуть говорить «мой», более того, думать «мой».

В настоящее время едва ли не единственное место нашей встречи – обеденный стол. В последние дни мне неоднократно пришлось мысленно возвращаться к упреку в том, что я ничего не сделал против нацистов и войны. За едой я стараюсь говорить о своем детстве: неуемное рвение среди «молодежи», энтузиазм «вождя», целеустремленные усилия в подтверждение тому, что мои предки были арийцами.

Я рассказываю о своих родителях, батраках, полных смирения. О маленьких людях, которые считали, что это Гитлер приносит им работу и хлеб. Однако вскоре они, скрывая свой страх, начали шептаться: «Разве он должен губить евреев? – Почему он затеял ссору со всем миром? – У нас было все в порядке. – Война проиграна. – Придут русские, это конец для нас».

Мой сын некоторое время слушает, встает, зевает и выходит из комнаты. Обиженный, я брожу до дикой груши и обратно. Попутно во мне брезжит осознание: если земля промерзла, пшеницу сеять нельзя.

В прихожей Х., тракторист. Он протягивает мне скворечник. «Он лежал на краю поля, под ивой. Повесишь его снова? У тебя же есть лестница». Х. – всегда добросовестный, внимательный. Некоторые из коллег называют его алкашом, потому что иногда он слишком много принимает на грудь.

Четыре жареных шницеля. К ним подаются: сыр, колбаса, хлеб, помидоры, масло.

Тимм: «Кто это съест?» Я напоминаю ему, что, будучи пловцом, он однажды похвастался тем, что уплел десять котлет. Он ест три. И рыгает, как жующая жвачку овца. Что это? Позерство? Он хочет бросить мне вызов? Я делаю вид, что не слышу. Затем пробую повторить: заглатываю в пищевод воздух, затем выталкиваю его. Я воспроизвожу лишь жалкое кряканье. Тимм усмехается: «Хорошо выученное не забывается».

ВОСПОМИНАНИЯ

В нашей гостиной ужин. Рагу из дичи под соусом из чернослива с картофельными клецками. После полудня мы с матерью притащили сани, полные сосновых дров. Голодный, как молодой волк, всасываю в себя теплую кашу из вареной утиной крови с кусочками груши и измельченного утиного мяса, не обращаю внимания на грозные взгляды отца и неожиданно оказываюсь всей половиной лица в тарелке.

* * *

Две встречи с читателями в школе в П. Сначала восьмой класс. На красивых открытых лицах молодых людей застыл вопрос: Ну, что ты предложишь? Я уговариваю себя преодолеть первое стеснение и почитать стихи; абсурдная и

школьная поэзия; поэзия как наслаждение для сердца и мышления. Как раскрепощенно и потрясающе беззаботно они смеются, как по-детски эти ребята с пушистыми бородами могут спрашивать, отвечать и глядеть. Несколькими минутами позже, на лестничной площадке, они ведут себя как поставленные, регулирующие, предупреждающие знаки: у них дежурство на перемене.

Вопросы учеников к писателю: «Ваша жена вас любит больше как поэта или как мужчину?»

«Вы когда-нибудь писали стихотворение об Эрике Хонеккере?»

«Вы любите макароны?»

«Эй, на этом месте должна играть музыка!» – кричу я классной руководительнице, сидящей на заднем ряду и проверяющей тетради.

Я держу Алфавит деревьев, задаю вопрос про дерево, начинающееся с буквы F.

Мальчик: «Слива».

Смех, стихающий очень медленно. Тут я вижу, как его соседку подталкивает рыжеволосый парень, и слышу: «Болван, надо же знать, что слива пишется с V».

Вопрос мальчику: «Чем занимается ваш школьный театр миниатюр?»

«Уже ничем».

«Почему?»

«Директор исключил все, к чему можно было придраться».

На школьном дворе под липой курильщики. Преимущественно девушки. Отвратительная картина. Представляю себе: мать, в левой руке ребенок, в правой руке сигарета.

В мусорной корзине хлеб. В деревнях его скармливают скоту, в городах он летит в мусорные баки. Государство держит цены на хлеб. Еще в контейнерах при столовой картофель, мясо. «Чего только у вас не выбрасывают», – говорю я поварихе. «Эх, – отвечает дружелюбная, полная женщина, – тут я не имею ничего против, по крайней мере, это достается моим свиньям».

В послеобеденное время группа продленного дня, с двух до четырех. Перед началом книжных чтений я листаю дневник, читаю записи, которые мальчик – как он сказал мне – должен был написать по указанию своей учительницы:

«Дорогие родители, я забросал лужу камнями».

«Дорогие родители, на этой неделе я был очень ленив».

«Дорогие родители, я не полностью сделал домашнее задание и вырвал страницу в своем дневнике».

После этого следует запись матери: «Дорогая фрау Гертнер, я сделала выводы о недобросовестном отношении Матиаса...»

Ответ учительницы: «Дорогая фрау Шлимме, если вы, как прежде, будете контролировать дневник, Матиас снова встанет на правильный путь».

Кудрявая девочка громко смеется над моей историей о лягушке. Учительница хватая девочку за руку и шипит: «Если ты сейчас же не успокоишься, то выйдешь вон». Убийство смеха. Я проглатываю свое возмущение, у меня такое чувство, что эта женщина глупа, как булка хлеба.

Самоубийственное одиночество.

Я провожаю своего сына до порога. Буря набрасывается на меня так, словно собирается вытрясти всю силу. Тимм устремляется в расшвырявшую непогоду: ливень, ураганные порывы ветра с моря. Мое восхищение бурей понемногу утихает. Я бросаюсь в свою погоду: штиль за письменным столом. Я веду бой с чистым листом бумаги. Через два часа корзина для бумаг заполнена, голова пуста. Против инертных мыслей помогает движение.

За холмами комбайн нарезает золотые полосы: валок за валком сена. Ветер играет, подпрыгивая в небесах. Я подпрыгиваю вместе с ним.

Около полудня снова за письменный стол. Я не могу заполучить в блокнот нужную строку. Работа – мучительный труд.

Я уже несколько месяцев сижу над сборником стихов для детей. В основном это стихи о природе и серия попыток подойти к школьным проблемам. Умещается примерно в сотню черновиков. Я должен сочинить, наверно, еще столько же, чтобы мой редактор мог выбрать. Я еще никогда не компоновал книгу стихов в одиночку, мне не хватает чувства порядка. Моя главная проблема в сочинительстве: О чем? Как?

На мой взгляд, для детей можно писать обо всем, если найдется надлежащая форма. Согласно накопленному опыту: пиши как можно проще, усложняй настолько, насколько это необходимо, пиши правильно.

Набросок стихотворения:

Материал

Плохо усваивается школьный материал, говорит директриса.

Она имеет в виду седьмой класс.

Связано ли это с родителями?

Или с учительским составом?

Я нахожу огромное удовольствие в этом процессе. Понравится ли это детям?

В мансарде громкая музыка. Всегда одно и то же. Почему парень совсем не слушает классику? Пожалуй, я не должен спрашивать об этом; у каждого поколения свои музыкальные идеалы.

Что в мое время было полькой, танго и маршевым вальсом, сегодня – рок.

Я поднимаюсь на мансарду: «Неужели нельзя слушать что-нибудь другое?»

Ответ: «Мне нравится это».

Мой сын выключает радио, включает телевизор, развлекательное шоу. Враждебность травит меня: еще одна бутылка пива, войлочные тапочки, и девятнадцатилетний обыватель готов. Больше запросов у парня нет? Достаточно ли такой жизни, чтобы жить полноценно? Возможно, большая часть людей действительно не нуждается в более духовных развлечениях после восьми часов напряженной работы.

Высокий череп, утолщенный нос, угловатые губы, блестящие, серые, немного печальные глаза – мой мальчик.

Как незнакомый гость, он сидит на корточках возле меня, пускает сигаретный дым мне в лицо, будто хочет выкурить меня из комнаты. Я едва прислушиваюсь к тому, что происходит в телевизоре, мои мысли вращаются вокруг одного пункта: как мне сделать моего сына другом?

О, пожалуйста, пожалуйста, Ханни, прошу, люби меня.

Позволь мне ночью прийти к тебе, как настоящий вор.

Пожалуйста, пожалуйста, Ханни, люби меня.

Я тоже хочу быть совершенно безмолвным, я ничего не говорю.

Я приду около полуночи.

Элвис на плакате смеется.

Твои родители послушно спят, они славные.

Ты ставишь «Люби меня нежно», а я крадусь вверх по твоим чулкам,

Только выключи заранее свет, я не заблужусь[8 - Из песни Йорга Хиндемита.].

И это по телевизору, для «культурной нации», а та и не противится. Эта словесная дребедень даже напечатана.

Спрашиваю сына: «Тебе нравится эта ерунда?»

Ответ: «Есть и получше».

Перелистываю старые рукописи. Нахожу стихи о Тимме:

Я хочу прочитать ему сказку,

Она начинается, как обычно: Давным-давно...

Он перебивает меня:

У тебя нет сказки посовременнее?

Я вне себя, грожусь его наказать,

Он недавно разрисовал целый метр обоев.

«Я работал», – говорит он.

Вправе ли я наказывать за работу?

Тимм читает и, улыбаясь, произносит: «Ты частенько наподдавал мне по заднице».

Читал в одном журнале: «С возрастом наши дети все лучше понимают идеалы коммунизма и восторгаются ими». Так может сформулировать только тот, кто от энтузиазма уже не способен думать и видеть. Я знаю детей, которые ничего не смыслят в коммунизме.

Желание, как создатель мыслей, еще не производит реальности. Между тем много разговоров вокруг того, как сложно реализовать идею «Всё вместе с народом, всё для народа». Для некоторых людей «всё вместе с народом» значит: только через мои руки. А «всё для народа» для многих означает «всё для меня».

ВОСПОМИНАНИЯ

Большой город. День международного футбольного матча. Улюлюкающая, трубящая в дудки, пьющая пиво молодежь движется через улицы, размахивая флагами, парализуя движение. Кажется, будто половина молодых людей нашей страны собралась воедино в этом районе мегаполиса. На перекрестке, на парапете пешеходного перехода, сидят на корточках трое. Пожилая женщина останавливается возле них и нерешительно спрашивает, можно ли ей взять с собой из сточной канавы пустые бутылки из-под пива. Из протянутой руки одного из парней падает наполовину полная бутылка. Он бормочет: «Вот, бабушка, есть еще одна».

* * *

Ужасает, как много в наших газетах превосходной степени: неотразимый, нерушимый, вечный, никогда, навсегда, всемогущий, наивысший, незабываемый, еще выше, еще глубже... От таких слов ухмыляются догматики.

На вечернем небе картина, которую я, насколько могу вспомнить, точно вижу в первый раз: высокий свод словно разделен прямой изгородью на два лагеря. Один – черно-серая грозовая стена. Другой – пронзительно голубая гладь. Грозовая стена осыпает меня дождем, а из голубого небосвода льется теплый солнечный день.

Гроза ушла. Ветер сортирует урожай: на лугу полно яблок, на дороге листья, под дубом несколько сухих веток.

С того момента, как мой сын сел за обеденный стол, речь его сродни водопаду. Я узнал, что он работает вместе со старым мастером по телегам. Человеку сегодня исполнилось семьдесят три, они выпили на двоих пару белого пива. Тимм ругает руководство кооператива, что те даже не поздравили старика.

Я допускаю, что про день рождения можно забыть. Мой сын неумолим: «Но не про семьдесят три. – Они думают только о себе. – Когда его жена лежала в больнице, к ней тоже никто не ездил. – Для меня это не руководитель». Я советую ему выступить на следующем общем собрании. На это мой сын: «Мне следует быть осторожным, они станут муштровать меня везде, где только смогут».

Муштровать – наверно, этот опыт мальчик уже получил как пловец. Как-то раз он должен был занять на соревнованиях второе, но ни в коем случае не первое место. Конечно, он увлекся, забыл об этом, стал первым, благодаря чему получил взбучку за недисциплинированность. И всякий раз в будущем, когда он проигрывал, тренер подолгу мучил его на тренировках и язвил: «Даже если ты победил, ты еще не победитель».

Глубокое познание молодого специалиста Тимма: месяц длинный, ряд банкнот, выплаченных ему сегодня, очень короткий. Я смотрю на деньги и говорю: «Тут останется не так много, чтобы отложить». На это мой сын с вопросом: «Неужели при социализме все еще надо иметь сберегательную книжку?»

Субботнее утро. У порога красивая темноволосая девочка с прекрасным овальным лицом и сверкающими глазами: «Мне нужно к Тимму».

«Он еще спит».

«Ничего страшного, он знает, что я приду».

Я показываю на дверь мансарды. Прежде чем я успею хоть как-то отдышаться, этот ребенок проскальзывает мимо меня. Указательный палец моей нравственности ковыряет в ящике для мозгов: вся порядочность осталась дома? Кто она? Школьная подруга? Возлюбленная? Какая самоуверенность.

Во время обеда узнаю: М. из Р. остается до вечера воскресенья. Хочется вылезти из кожи вон. Почему я не в курсе? Почему парень не задается вопросом, осмелится ли девушка спать с ним? Вероятно, он читает мои вопросы по моим глазам, дерзко улыбается мне и говорит: «Ну не ложиться же мне с ней на лужайке?» Вереница мыслей, над которыми я бьюсь весь день, заканчивается так: пожалуй, такие сегодня молодые люди.

ВОСПОМИНАНИЯ

Первые послевоенные дни. Я живу у дяди в соседнем маленьком городке, потому что там американцы, а в нашей деревне русские. Потому что американцы больше не забирают из домов молодых людей и не отправляют их в плен, и потому что... потому что русские...

Пропаганда зверств процветает. Каждый раз, когда могу, я гуляю, слоняюсь без дела, наслаждаюсь выздоровлением после легкого осколочного ранения под правое колено, из-за которого я мучаюсь со времен нашей последней боевой

позиции на Одере, когда мы не останавливаясь бежали от Советской Армии до самого нашего порога.

Нередко меня сопровождает четырехлетний мальчик из соседнего дома. Его мать – военная вдова, тридцати лет, черноволосая, как цыганка. После недельного знакомства она ложится со мной в свежую весеннюю траву, под кустами ивы, у реки, поспешно срывает с моего тела одежду, бросается на меня и учит тому, для чего создан молодой человек. И теперь мы постоянно до изнеможения дрейфуем среди прибрежных кустов. Черноволосая живет со своей матерью. В доме у нас этого не происходит, иначе что подумают люди? Она на десять лет старше меня. Кстати, ее погибшему мужу было всего сорок четыре.

* * *

На пороге наши три кошки: Мулле, Билли, Пуше. Они попрошайничают так, будто молоко доили только лишь для них. Ах, эти элегантные подхалимы! Этим неутомимым, преданным дому охотникам на мышей я ставлю на ступеньку миску с едой и с удовольствием наблюдаю, как они чавкают. Кошка исторически привязана к человеку. Рассказы и истории, басни и стихи об этом животном бесчисленны. Как много между человеком и кошкой дружбы: у Мухаммеда была одна любимая кошка; германская богиня любви Фрейя держала двух этих проворных существ перед своей колесницей, когда покидала священное место Вальхаллы.

Каково уважение к кошке: у египтян она была канонизирована, тот, кто убил кошку, должен был расплатиться своей жизнью. Я не мог себе представить жизнь в этом доме без кошки.

ВОСПОМИНАНИЯ

Бетономешалка клокочет, скрежещет, булькает. Некоторое время маленькая серая кошка бежит против направления вращения, неизменно вдоль внутреннего края чрева миксера. Торопится, как золотистый хомячок в зубчатом барабане. Вскоре ее ноги становятся тяжелыми. Холодная цементная каша бьет

по голове и спине. И вот, обессиленная кошка останавливается в крутящейся, жужжащей бочке. Снова и снова уносит ее грохочущее бетонное месиво. Она смотрит расширенными от ужаса глазами, смотрит в лицо человека, который схватил ее за шею, посадил на руку, несколько раз нежно погладил, а затем – бац – швырнул в открытую пасть непрерывно вращающейся бочки миксера. В самый центр глубокой массы из воды, гравия и цемента. Измученная и безвольная, она, маленькая серая кошка, брошена на произвол судьбы. Катят, крутят, толкают. Еще раз она смотрит в загорелое лицо человека, в его ярко-голубые глаза и белоснежные зубы. Он дерзко сдвигает кепку на затылок и хрипло смеется.

Октябрь

Встань с постели после полуночи, исполни давнее желание пройтись в полнолуние через овраг до деревни и обратно. Как много голосов у ночи: кричит неясно, тявкает самец косули, звенят крылья диких уток, лают собаки. Гул далекого поезда. Летная погода. В ночном небе реактивный самолет прорывает звуковой барьер. Вскоре после этого вокруг Луны, словно гирлянда, обвивается конденсационный след. Кто может сидеть в этом летательном аппарате? Счастливчик? Несчастный? Летчик, как и я, работает в одиночку. Хоть и есть связь с наземной станцией, но подчинение машины – его задача. Я восхищаюсь мужчинами, которые покоряют такую технику. Мое глубокое уважение пилотам, которые, учитывая безграничность неба, дисциплинированно и сдержанно выполняют приказы Центра управления полетами.

У Тимма в комнате тихая музыка. Он все еще не спит? Два часа после полуночи. Я открываю дверь. Парень лежит в рабочей одежде, уснул на своем матрасе. Я накрываю его, выключаю радио.

Я живу неправильно, утром не ем, вечером ем много. Меня раздражают страшные сны о том, что я разжирею. Сколько раз бабушка говорила: утром, как король, днем, как мещанин, вечером, как нищий. Пошло на пользу?

Баран проломил головой забор, чтобы добраться до грядок с капустой. До которой смог дотянуться – сожрал. Теперь, беспомощный, он стоит, и тщетно пытается выдернуть свою башку обратно – мешают рога. Мой сын освобождает его из плена с замечанием: «Какая польза от полного брюха, если нет головы, тупой баран?!»

Тимм, как обычно, поздно выходит из своей комнаты. Мой укоризненный взгляд. Его ответ: «Мне сегодня по фигу работа».

«По фигу», – такого еще не слышал; я должен улыбаться.

«Ты же не всегда успеваешь в последнюю минуту».

Тимм тянется к кофейной чашке. «Гребаная жизнь! Всегда все по часам».

Порой я думал, что спортшкола его хоть немного дисциплинировала. Это заблуждение. Он представляется мне жеребенком после долгих зимних месяцев в конюшне: мчится по весенней зелени загона, бьет во все стороны, ржет, пукает в небо жаждой обретенной свободы. Голос моей совести спрашивает: что с этим делать? Молчать? Делать замечания?

Долбить в барабан морали? В конце концов, мы живем под одной крышей, пусть он думает обо мне, что хочет.

Я пишу стихотворение:

Будь в школе точно в восемь.

Будь в магазине точно в четыре.

Будь дома точно в шесть, а то завтра не выйдешь гулять.

Слово «точно» сидит у меня в печенках.

Я больше не могу это терпеть.

Разве жизнь бежит только по часам?

Я редко пишу стихотворение за пять минут. Могу целый день провести в тщетных попытках. Не показать ли Тимму? Оно могло бы подтвердить его склонность к проволо?чкам.

Он читает. На его лице сияет победоносная улыбка. «Стало быть, ты согласен со мной». «И да, и нет». Признаю, жить только по часам означает жить, как в тюрьме.

«Но, – спрашиваю я его, – что получится, если каждый будет ходить на работу так, как ему заблагорассудится, или в твоей спортшколе все будут тренироваться тогда, когда им это удобно?»

«Не напоминай мне!»

«Придержи язык!» – говорю я и напоминаю ему, что без этой школы он четырнадцатилетним не попал бы ни в Италию, ни в Советский Союз. Мой сын замолкает.

Кололи дрова, складывали. Тимм бросает сто пятьдесят марок на стол; совместно установленный взнос на ведение хозяйства. Скомканые купюры, вытащенные из заднего кармана. Я разглаживаю банкноты и думаю: ни к чему нет уважения. Я не собираюсь поучать, но тогда возникает вопрос: откуда у молодых людей должно появиться уважение, если исполняется практически любое материальное желание? Мне не нужен этот денежный взнос, но парень должен понимать, что деньги необходимы для жизни, что они ему не подарены. Я сберегу их для него.

Какой скачок от моего детства к детству моего сына. С десятью пфеннигами на Шютценфесте[9 - Шютценфест – праздник защитников города, его ещё называют «праздник стрелков».] я был настоящим мужчиной. А если у меня было целых пятьдесят – в основном, от бабушки, – я мог кутить на ярмарке весь день: мороженое, конская колбаса, перетягивание каната, леденцы, тир, колесо обозрения.

Мне вспоминается тридцать третья история из «Книжки с картинками без картинок» Андерсена: Луна заглядывает в детскую комнату. Малыши ложатся спать. Четырехлетняя девочка уже лежит в постели и молится. «Отче наш». Место, где в молитве говорится: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день...» Девочка, неразборчиво бормоча, продлевает эту фразу. Мать хочет знать, что лепечет ребенок.

После смущенного молчания малютка отвечает: «Не сердись, дорогая матушка! Я просто попросила: и побольше масла на него». Как нелепо, как абсурдно выглядит такая история в наши дни, в нашей стране. «Отче наш» – прекрасное, простое стихотворение. Мировая литература. Благотворная для бесчисленного множества людей поэзия, выученная наизусть.

Молодой человек, должно быть из соседней деревни, толкает свой мопед во двор. «Больше не тянет».

«Я в этом не разбираюсь».

«Тимм уже дома?»

«Еще нет. Ты думаешь, он сможет помочь?»

«Ну конечно же, он всё может».

Прежде всего он может делать глупости, недоверчиво размышляю я и очень удивляюсь, когда мопед снова заводится.

«Он может всё» – чем больше уверенности, тем больше и доверия.

В морозящий дождь едем к вокзалу Бад К. Тимм хочет ехать в город. В Ц. на проводах собираются ласточки, готовятся к осеннему путешествию. Благоговейная неподвижность перед полетом, долгим. Время, когда и мне пора собираться в зиму, долгую.

В Бад К. на перекрестке регулировщик. «Вот бедолага!»

«Кто? Мент?»

«Не говори так пренебрежительно о полицейском».

«Да пусть он свалит, если идет дождь».

«Свалит... может, у него есть что-то вроде чувства долга».

«В такой ливень он не должен здесь стоять».

«Как раз именно сейчас хорошо, что он регулирует движение».

В вестибюле вокзала открыта дверь в «Интершоп». Пахнет мылом, стиральным порошком. Через дверь мы с любопытством смотрим на притягивающий взгляд, привлекательно упакованный и разложенный ассортимент товаров. Сколько из них было произведено в нашей стране? Мимо нас проходят два мальчика.

Один, с горящими глазами другому: «О, магазин – класс!»

У прилавка пожилая женщина. Она чувствует здесь себя, как дома: «Два куска мыла Fa... пакет порошка ОМО... кофе Jakobs- Kr?nung... пять батончиков Mars... три Milka, так, посчитайте-ка всё вместе... За йогуртом я зайду завтра».

Молодой человек своей дочери: «Пойдем и мы с тобой заглянем в магазин».

Мне вспоминается молодежное собрание – вероятно, это было осенью сорок пятого, – где руководитель антифашистского движения восторженно объяснял нам, что в ближайшие тридцать-сорок лет деньги будут упразднены, что каждый сможет жить по своим способностям и получать по своим потребностям. Наверное, в тот вечер на пустом стуле восседала диалектика и тихо посмеивалась над его утопическими мечтами.

Мой сын слегка подталкивает меня: «Дашь пару марок на шоколадку?»

В привокзальном туалете два пьяных армейца. Один, бормоча, исчезает, когда мы заходим внутрь, другой ухмыляется и начинает болтать: «Видишь это, дед? Еще не слышал о ЕК-движении?»[10 - ЕК - кандидаты на увольнение из вооруженных сил.] Едва не соскользнув в писсуарный лоток, он стучит пальцем по цифре сто двадцать три, которую нацарапал на стене. Невнятно лепечет: «Пройдет именно столько дней, и это дерьмо останется у меня позади».

Тимм смеется, похлопывает пьяного по плечу и говорит: «Если ты и дальше будешь так раскрывать рот, то окажешься не дома, а в тюрьме».

Выходные в одиночестве – непривычно. Наслаждаюсь тишиной, непрерывно работаю, сварил в пятилитровом горшке картофельный суп, к тому же съел сардельки, которые купил в Бад К. Собственно, не так уж много и надо, когда вы полны рвения и работаете с большим удовольствием.

Мой сын входит в дом. Первый вопрос: «Призыв в армию уже начался?»

«Почему ты так суетишься с этим?»

«Мои приятели давно ушли. Я тоже хочу, чтобы это осталось у меня позади».

ВОСПОМИНАНИЯ

Один из дней сорокового года, мой семнадцатый день рождения. Я еду на поезде в Линген, на канал Дортмунд-Эмс. В кармане моего пиджака лежит «Военный билет» и повестка об исполнении трудовой повинности. Наконец-то. Как я горжусь! Мое первое долгое путешествие. Иначе откуда крестьянскому парню взять деньги на поездку от Дессау до северо-запада Великой Германии. Моя единственная забота: каждый раз правильно делать пересадку, не опаздывать.

ВОСПОМИНАНИЯ

Весна сорок пятого. В окружении под Берлином, близ Кёнигс-Вустерхаузена, советские парламентарии призывают нас сложить оружие. Бесноватые офицеры СС расстреливают переговорщиков. Советская артиллерия установила по нам прицельный огонь. Только бы выбраться из этого ада. На вспаханном поле я спотыкаюсь, бегу, меня шатает, швыряет и наконец я падаю в воронку от снаряда. На склоне ямы раненый. Осколок оторвал ему правую ногу. От вида разорванного бедра меня тошнит. Мой взгляд соприкасается с лицом калеки: казначей нашей роты. Его щеки побледнели. Глаза лихорадочно блестят. Он улыбается. Он узнаёт меня? Его рука медленно тянется к кобуре.

Вытаскивает оружие. Он собирается стрелять? Я опускаю его руку с «Р-08» вниз. Он трясет головой и улыбается, улыбается с добротой, которой я не видел прежде на человеческом лице. Обессиленный, старшина роты вкладывает мне в руку пистолет и шепчет: «Неси его дальше, за фюрера и отечество». Я не носил, как было приказано, в кармане для часов форменных брюк пистолетную пулю – «на всякий случай». Немецкий солдат не сдаётся!

* * *

Мой день рождения – праздник республики. Тимм положил на мой стол небольшую самостоятельно нарисованную акварель. Только сейчас я внимательно ее рассматриваю. Наш дом, с возвышающимся над всем тополем. Изумительная перспектива; ярко, жизнерадостно. Ничего необычного нет, но я безмолвно радуюсь его творческому достижению.

«Спасибо! Хорошая картина. Наверно, ты долго сидел над ней?»

«Да нет, такое рисуется одной левой».

По телевизору демонстрации, военный парад. Я выключаю. Развод караула, комендантский час, концерты на площади и парады не имеют для меня ничего

общего с осознанным отношением к обороне страны. С пониманием того, почему что-то надо защищать. Муштра порождает верноподданных. Народной армии требуются личности, не только в качестве офицеров, но и в качестве призывников. Я ужасаюсь, что молодые люди служат в Народной армии по призыву: просто ходят по кругу эти восемнадцать месяцев!

Меня поражает, когда я вижу, как отслужившие солдаты загружаются алкоголем, как старые фронтовики, по дороге домой устраивают дебоши, ведут себя так, будто позади у них восемнадцать месяцев тяжелой службы, будто они были между жизнью и смертью. Разве нет приятных воспоминаний? Однажды я спросил директора школы: чего добиваются ученики военными играми в зимние каникулы? Ответ: «Они должны быть воспитаны на любви к Родине и готовности к обороне».

У них это получится?

Конечно же, мне известны унтер-офицеры Народной армии, к которым подходит понятие «старый швед», которое появилось во времена Великого курфюрста Пруссии[11 - Великий курфюрст Пруссии - Фридрих Вильгельм I Бранденбургский (1620–1688)]. Он брал на службу шведских солдат-старослужащих и повышал их по службе до звания унтер-офицеров, потому что они прекрасно понимали, как шлифовать новобранцев.

Более глубокой причиной неприятия таких телевизионных передач, вероятно, является мой собственный опыт. Мое поколение поклялось после войны никогда больше не брать в руки винтовку. Будут ли исполнены когда-нибудь слова Бехера[12 - Иоганнес Роберт Бехер (Johannes Robert Becher; 1891–1958) - немецкий прозаик и поэт, министр культуры ГДР. Лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».] «Чтобы никогда больше мать не оплакивала своего сына...»?

Если в наши дни нажать на кнопку, не останется никого, кто мог бы плакать над другим.

Идет дождь. Как штурмующие солдаты, капли бегут по крыше, на секунду загораясь, когда прыгают с одной черепицы на другую.

Бег.

Гонка.

Падение.

В буковом лесу золотистая листва. Как это меня притягивает. Мальчишкой я обычно валялся в ней, вставал на голову, подбрасывал в воздух листья, ликовал. Теперь же, прежде чем кувырнуться в ней, я оборачиваюсь..

На краю деревни хилая полоска пашни. Хайнц В. пашет; серый в яблоках кооперативный конь тянет старый, ржавый плуг. От животного идет пар: песчаный суглинок в сухую осень тверд. Во время разворота Хайнц допускает меня до сельскохозяйственного орудия. При этом он, дурачась, ухмыляется: ты все равно не сможешь сделать этого, поэт!

Я вдавливаю сошник в землю, совершенно прямо вытягиваю борозду. Столь тщательно изученного хватит до конца жизни.

Я подготовил большую кастрюлю, полную яблок, для варки. Собираюсь консервировать пюре. Какое же это победоносное чувство, когда я открываю крышку и разливаю все по банкам. Тимм сидит рядом со мной и обследует удочку. Леска на роликe запуталась. Позже, рука об руку с М., он удаляется со двора. Они уже собрались «по-быстрому» вытащить из озера щуку. Я в предвкушении желаю им «Удачного улова!» и смотрю вслед.

Они останавливаются через каждые три шага, не переставая флиртуют, целуются. Толкают друг друга в траву. Дойдут ли они когда-нибудь до озера? Я, заглушая голод, переключаюсь на хлеб и сыр.

Тимм хлебает рисовый суп. Кончики его волос окунаются в тарелку. «Тебе пора сходить к парикмахеру».

«У Маркса тоже были длинные волосы».

Мой знакомый М.: «Я обучил бы своего сына игре на флейте, если бы он носился с такой гривой». Но что, если он предпочитает звуки скрипки? – Волосы важнее, чем голова?

«Ты должен сходить к парикмахеру!» – «Сиди за столом прилично!» – «Не чавкай, как свинья!» – в подобном тоне я мог бы продолжать долбить в барабан, который должен заставить моего сына идти со мной нога в ногу. В каждой фразе я слышу своего отца. И теперь, когда я вспоминаю всю эту докучливую опеку, в моей памяти улыбаются ответы, которые я мысленно отправлял своему старику: «Оставь меня в покое! Поцелуй меня в задницу! Отстань от меня!»

ВОСПОМИНАНИЯ

Вскоре после войны; мне столько же лет, как сейчас моему сыну. В одном маленьком городке я с другом тащусь в женскую парикмахерскую. Мы позволяем сжечь наши волосы «химической завивкой», после чего по три раза в день важно расхаживаем по всей деревне, как павлины.

* * *

Мы ищем и находим поводы для единения. Тимм приносит из Айкенкампа связку березовых черенков. На пути в деревню парень копает в глинистой почве посадочные ямки. Я едва успеваю приладить рассаду, притоптать землю. Наши разговоры вертятся вокруг деревьев. Я привожу известное изречение Лютера^[13] – Мартин Лютер Кинг – американский баптистский проповедник, общественный деятель и активист, получивший известность как самый заметный представитель и лидер движения за гражданские права чернокожих.]: «Даже если бы я знал, что мир завтра погибнет, я все равно сегодня посадил бы

яблоню». Тимм припоминает, что за последние годы было вырублено одиннадцать миллионов квадратных километров леса; три миллиона из них стали сельскохозяйственными угодьями, остальные подверглись разрушительному воздействию и на долгое время, если не навсегда, стали бесполезными. К вечеру мы удовлетворенно разглядываем свою работу: стоят сто двадцать березовых саженцев. Тимм: «Когда я стану взрослым, я буду ходить под ними со своими детьми и говорить, смотрите, я посадил их вместе с вашим дедом».

По дороге домой мимо нас рычит джип: Мелиорация[14 - VEB MELIORATION - Volkseigener Betrieb Melioration, государственная мелиорация.] – чего они снова здесь хотят? За два года перерыли всю местность, проложили трубы, отрегулировали плановую вырубку.

Хотя для начала следовало бы выяснить, благо она принесет или же вред этой холмистой местности.

К нам приближаются двое мужчин; они поставили на краю поля земляной бур для пробы грунта. «Неужели снова собираетесь мелиорировать?» – спрашивает Тимм. Я задаю вопрос конструктивно: «Целесообразно ли на самом деле дренировать эту холмистую местность?» Один из мужчин: «Ты хочешь, чтобы мы были безработными и наши семьи остались без хлеба?»

Г. выходит из автомобиля. Тимм хватается за нее, с силой подкидывает в воздух, и, наслаждаясь визгом своей матери, с невероятной осторожностью опускает ее в траву.

Грубая мальчишеская нежность. Как неуклюже показывает он, что любит ее. В честь нашего «гостя» я мариную соленую сельдь кольцами лука, лавровым листом, душистым перцем, перцем горошком, сливками, каперсами, огурцом.

Трапеза окончена, мы с Г. нежмся под поздним полуденным солнцем. Она теперь все чаще приезжает из города в одиночку, у дочери там друзья. Жаль,

что мы не живем под одной крышей постоянно. Но дорога до школы составляла бы для ребенка пять километров, и Г. пришлось бы отказаться от работы журналисткой на радио.

Дочь Саския – любимый ребенок, я редко когда о ней размышляю. Хотя в проблемном возрасте – четырнадцать лет – с ней, кажется, все идет «гладко». Когда она здесь, я балую ее, читаю глазами ее желания. Обо всем остальном я говорю себе: Г. прекрасно справится с ней самостоятельно. Людские сплетни: живут отдельно! Будто бы совместная жизнь возможна только тогда, когда день за днем проживаешь вместе.

Чувствую, что калякаю пустое. Никаких идей. Попытки кажутся мне тестом без дрожжей. Строфы стоят на бумаге, как скверно построенный забор. Здесь на пользу пойдет только одно: прочь отсюда! Срочно на несколько дней в город. Г. радуется. Мы с наслаждением поужинаем, выпьем чаю, некоторое время послушаем музыку, а после – продолжительная, обстоятельная демонстрация фильма, который только что посмотрела Саския.

В пять часов утра город начинает гудеть. Это пробуждает меня, не могу снова заснуть. Автотранспорт грохочет. Местные условия дорожного движения этого отдаленного нового района неудобны: электричка слишком далеко, автобусы постоянно переполнены. Какое воздействие на окружающую среду, какой износ техники, какой расход энергии, когда машины, в большинстве случаев, без пассажиров, а лишь с водителем, утром катят на предприятия, а вечером обратно, в жилые районы.

В кафе-мороженое официантка нерасторопная, от того долго. Лицо нетрезвое – как разбухшая лапша.

Чем может заниматься Тимм?

На балконных стенах наших соседей имитация фахверка, нанесенная темной краской[15 - Фахверк, нем. Fachwerk – каркасная конструкция, фахверковая конструкция – тип строительной конструкции, при котором несущей основой служит секция из наклонных балок из древесины хвойных пород.]. «Я хочу немного от моего деревенского жилья в эту отапливаемую бетонную коробку», – говорит мужчина. Живопись по бетону – капелька самореализации; высвобождает творческое воображение; создает маленький мир фантазии, личного пространства.

Несколькими домами дальше – ярко-зеленый холм, настоящая открытая терраса. Третья постройка: шлюпочная палуба со штурвалом, сигнальные лампы, канаты – по-видимому, жилище моряка. Три дня в городе – достаточно!

Возвращение – в полдень. На выезде из города радарный контроль. «Превысил на четырнадцать», – говорит полицейский в белой фуражке. «Но ведь здесь разрешено шестьдесят», – отвечаю я. «Было разрешено четырнадцать дней назад. Веди машину внимательнее! Документы! Не задерживай движение». Десять марок, штамп. И незабываемые впечатления от нахального товарища из дорожной полиции.

Наш тихий дом! Мой сын! Солнце устраивает для меня парад заката, встречает ослепительно-красным сиянием.

В бузине свистят скворцы. Упоенные этим паутинки бабьего лета танцуют по саду. Над домом пролетел стройный клин серых гусей. Я сижу под яблоней и слушаю концерты для трубы: Торелли, Гросси, Фаш, в исполнении Гюттлера. Совершенное великолепие, созидающая радость музыка.

«Почему, собственно, ты всегда смотришь западное телевидение?»

«Я смотрю то, что не скучно».

«Откуда ты знаешь, что наше телевидение скучное, если ты его вообще не смотришь?»

«Да всем известно, как неинтересно то, что происходит в Адлерсхоф»[16 - Адлерсхоф – район в Берлине, известный как «город науки, технологий и средств массовой информации»]. «С каких это пор ты стал слушать других?»

Тимм пытается надавить утверждающим ответом: «Но ведь это не запрещено, не так ли?»

У моего сына нет ярко выраженных склонностей. Он предпочитает возиться с машиной, ходить на рыбалку, обычно у него долбит так называемая развлекательная музыка, его увлекают телевизионные детективы. Или же, как в эти дни, он мастерит кресло-качалку. Большущее кресло-качалка. Спинка едва не упирается в потолок комнаты. Уникальная вещь. Деревянное изделие, по которому видно, что конструктор с творческим рвением взялся за дело. Когда парень неторопливо раскачивается взад-вперед, у меня складывается впечатление, что там сидит король, который благосклонно и с наслаждением созерцает свое маленькое царство – четыре на шесть метров.

Полные отчаяния мысли о моем сыне. Кажется, он живет согласно мировоззрению «Мой дом – моя крепость». Тимм – отступник? Изгой? Один из тех, кого Маркс видел так: «Тот, кому доставляет больше удовольствия вечно копаться в самом себе, чем собственными силами строить целый мир, быть творцом мира, – тот несёт на себе проклятие духа, на того наложено отлучение, но в обратном смысле – он изгнан из храма и лишён вечного духовного наслаждения, и ему приходится убаюкивать себя размышлениями о своём личном блаженстве и грезить ночью о самом себе».

Нет, мой сын не изгой. В нем есть отличие от моего знакомого, который в разговоре мне сказал: «Человек, ушедший из общества, – я не могу им быть, ведь я даже не заходил в это общество». Тимм, как и многие молодые люди, страдает от того, что мы, взрослые, ожидаем от них того, чего ожидаем от себя.

ВОСПОМИНАНИЯ

Латвийский союз писателей пригласил меня на торжества, посвященные Янису Райнису. Я сижу в передней части ТУ. Самолет спокойно парит на своих девяти тысячах метров, под крыльями похожий на арктический пейзаж облаков. Вокруг меня дремлют пассажиры.

Позади двое молодых людей, читают; возможно, студенты по пути в свой вуз в Москве или Ленинграде. На два, а может, и на три года постарше Тимма. Мое воображение: каково было бы, если бы рядом с ними сидел твой сын; студент Университета имени Ломоносова, будущий врач или биолог, геолог, физик, заряженный энергией, одержимый беспощадным стремлением стать самым выдающимся ученым на Земле.

* * *

Резко меняется погода. Ноябрь готовит ветер, дождь, туман.

Прекратил работать электронасос. В доме нет воды. На помощь пришел Х. с торфяных разработок. Собственно, чего не умеет делать этот человек? Прежде всего он завидно изъясняется на нижненемецком, этом грубом и нежном, громком и тихом, остроумном и печальном диалекте. И когда Х. говорит: «Поцелуй меня в задницу!», это не звучит непристойно.

Позже. Вода снова течет. Мы сидим на кухне. Х. с кружкой белого пива, я с кофе. Х. рассказывает о моем сыне, который в воскресенье вечером сидел в ресторане и дебатировал с выскочкой «оттуда». «Конечно же, они были полностью единодушны», – сказал я. «Имей в виду, мой дорогой, имей в виду, что твой мальчик держал речь так, будто это был не он, а старина Маркс».

Тимм спускается с мансарды удрученным. «Ночью был ураган».

«У нас были и посильнее».

Мой сын садится, курит утреннюю сигарету.

«Когда вчера я, лежа в кровати, смотрел жуткий детектив и слышал, как гроыхает черепица, я был рад, что ты в доме, иначе от страха в штаны наложил бы».

Сколько шума в старом доме во время урагана. Здесь ходят ходуном оконные ставни. Там, на стене дома, бренчит цепь. Тут стонет балка крыши. В печи шипит ветер. А порой много звуков, причину возникновения которых я не знаю. В любом доме при любой погоде есть своя музыка. И когда с ней знаком, не боишься.

Ноябрь

Половина пятого. Меня будит шум мотора трактора. Доярки едут на выгон в Алансберг. Манеры речи для них не имеют значения. Некоторые так ленивы, что хотят сразу же доить из коровы сыр. У них железная дисциплина. И при ветре, и в грозу, от первой зелени в мае вплоть до глубокой осени, они катятся и утром, и в полдень к доильным установкам. Животные требуют пунктуальности.

Я перелопачиваю вязанки дров в сарае. Злюсь, потому что Тимм дает хорошие советы, а сам не дергается. Через полчаса он приглашает меня поужинать. Стол накрыт. Дымится чай. Даже цветы стоят на обеденном столе. Я не должен чесаться прежде, чем начнется зуд.

Утром воображаемая прогулка вокруг дома. Туман делает одиночество еще более одиноким. В кроне вишневого дерева последний лист. Несмотря на ураган и ливень, он не сдался. Словно знал: если упадет, станет всего лишь коричневой массой, как и все, что уже лежат в траве. Когда поток ветра движется сквозь крону дерева, лист в предчувствии дрожит. И все же его прожилки еще полны летней силы.

На проселочной дороге сбитый машиной заяц – пятно позора на лице Земли. На космее капля росы. Приветливо блеснув, она уступает место солнцу, которое садится сейчас рядом с ней.

Все жители деревни на ногах. Хоронят тракториста. Может, этот человек был негодяем – на кладбище его провожают все. В конце концов, каждый на очереди. Столяр изготовил гроб – так пожелал. Венки поступили от садовника. Могилу выкопали друзья. Для деревенских жителей похороны – это заблаговременный опыт своего погребения или захоронения урны. Оттого человек на деревне умирает более защищенным, более смиренным. Он знает кладбище, может быть, даже знает, где его могила. Во всяком случае, он знает, как посмотрит сосед, стоя у могилы, видит, как плачет женщина из того или иного дома, как проходят поминки. Похоронная процессия длинная. У могилы беседуют председатель кооператива и пастор. После речи гроб опускают в могилу. Родственники и жители деревни по старому обычаю выстраиваются, прощаясь, взяв в руку горсть земли: земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху. Тут пастор делает шаг вперед, призывно поднимает руку и просит, чтобы к могиле подходили только те, кто принадлежит церковной общине. В этот момент край могилы уходит вниз.

Председатель помогает испуганному духовнику выбраться и шепчет: «Неужели Бог оставил вас, пастор?»

У Тимма трое молодых людей из города. Кудлатые, длинноволосые парни расположились на полу, курят, пьют пиво, молчат. Включен магнитофон. Я делаю звук тише. Компания возмущается: «Когда тихо – не шокирует!» «Ведь если так тихо слушать, не поймешь нюансов!» «Так ни на что не отвлекаешься, это как капюшон на голове». «Ритм рвется, а так поддерживается правильный». Я отступаю. Они знают всё это лучше меня. У них, видимо, не существует болевого порога, при котором прекращается всякое наслаждение звуком.

Вернувшись из магазина, я сразу же подхожу к своей пишущей машинке. Тут слышу шаги в мансарде. Неужели? Тимм дома? Еще утром он с друзьями уехал. Рядом с дверью полностью забитый рюкзак. На кушетке, растянувшись, один из вчерашних ребят. При свете он мне несимпатичен, со своими липкими волосами и замызганными джинсами. Парень показывает мне ключ. «От Тимма, я поживу здесь некоторое время». «У тебя нет дома?» Он зажигает сигарету и отвечает: «Съехал».

Тимм приходит с работы раньше обычного. Я обращаюсь к нему: «Можно было со мной спокойно обсудить, прежде чем пускать в дом посторонних людей?»

«Неужели я не могу делать в своей комнате то, что захочу?»

Этот проклятый самонадеянный тон! Разве меня не волнует, чем он занимается в своей комнате? В детстве у меня никогда не было собственной комнаты. Мы все жили в гостиной, спали в одной спальне, все праздники в году проводили в «парадной комнате». Тогда никто не мог предъявить требований к «своей» комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Биттерфельдская конференция была посвящена программе развития социалистической культуры в ГДР, направленной на создание самостоятельной социалистической национальной культуры, которая должна была наиболее полным образом удовлетворять растущие художественно-эстетические потребности трудящихся. Здесь и далее прим. переводчика.

2

NDR (нем. Norddeutscher Rundfunk) – «Северогерманское телерадиовещание».

3

Radio MV – региональная радиостанция Мекленбурга-Передней Померании.

4

Речь идет о немецкой народной балладе, о принце и принцессе, в которой идеологическим ключевым моментом является конфликт поколений. – Здесь и далее прим. пер.

5

Albius Tibullus – древнеримский поэт, живший в I веке до Р.Х.

6

Айкенкамп – заказник в регионе Мекленбург.

7

А?йнтопф, нем. Eintopf – густой суп, блюдо немецкой кухни, заменяющий собой первое и второе блюда.

8

Из песни Йорга Хиндемита.

9

Шютценфест – праздник защитников города, его ещё называют «праздник стрелков».

10

ЕК – кандидаты на увольнение из вооруженных сил.

11

Великий курфюрст Пруссии – Фридрих Вильгельм I Бранденбургский (1620–1688).

12

Иоганнес Роберт Бехер (Johannes Robert Becher; 1891–1958) – немецкий прозаик и поэт, министр культуры ГДР. Лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

13

Мартин Лютер Кинг – американский баптистский проповедник, общественный деятель и активист, получивший известность как самый заметный представитель и лидер движения за гражданские права чернокожих.

14

VEB MELIORATION – Volkseigener Betrieb Melioration, государственная мелиорация.

15

Фахверк, нем. Fachwerk – каркасная конструкция, фахверковая конструкция – тип строительной конструкции, при котором несущей основой служит секция из наклонных балок из древесины хвойных пород.

16

Адлерсхоф – район в Берлине, известный как «город науки, технологий и средств массовой информации».

Купить: https://telnovel.com/lindemann_verner/mayk-oldfild-v-kresle-kachalke-zapiski-otca

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)